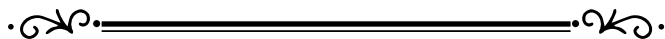

**Анна
Ахматова**

Анна Ахматова

Лирика

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А95

Серия «Народная поэзия»
Оформление художника *Е. Ененко*

Серия «Золотая коллекция поэзии»
Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использована фотография:
yvontrep / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ахматова, Анна Андреевна.
А95 Сероглазый король : лирика / Анна Ахматова. –
Москва : Издательство «Э», 2017. – 416 с.

ISBN 978-5-699-12143-4 (Народная поэзия)
ISBN 978-5-699-97402-3 (Золотая коллекция поэзии)

Поэзия Анны Ахматовой светла, мудра и прекрасна. Такой она и предстает перед читателем этого сборника, в который вошли лучшие лирические стихотворения великой поэтессы.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-12143-4
ISBN 978-5-699-97402-3

© Новгородова М.И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

А МЕНЯ БУДУТ ЧИТАТЬ...

Однажды в квартире Пуниных на Фонтанке, где в то время жила и Анна Ахматова, собрались литераторы. Один сказал, что написал рассказ, который не будут читать, второй пожаловался, что и его роман «нечитабелен». Тему продолжил хозяин дома, искусствовед Николай Николаевич Пунин: дескать, и он только что закончил статью, которую тоже никто не прочтет, потому что сейчас вообще ничего не читают. Анна Андреевна, как правило, в подобных перепалках не участвовала, но на этот раз вдруг вмешалась в разговор... Эмма Григорьевна Герштейн на всю жизнь запомнила и эту сцену, и голос Ахматовой — «звучный и мелодичный», и ее реплику: «А меня будут читать». Между тем никаких реальных оснований для такой уверенности в себе, а главное, в своем читателе в феврале 1937-го у Анны Андреевны не было. И по видимости, и быть не могло! За двенадцать лет у нее не вышло ни одного сборника стихов! По сути дела, это был приговор к «гражданской смерти». Но она старалась жить — занималась изучением творчества Пушкина, опубликовала несколько замечательных работ, пушкинисты, в частных беседах, восхищались ее исследовательской интуицией. Однако на юбилейное заседание Пушкинского Дома, посвященное столетнему пушкинскому юбилею, ей не прислали даже гостевого билета... В начале двадцатых годов, вскоре после трагической гибели мужа (Николай Гумилев расстрелян по не доказанному обвинению как участник контрреволюционного заговора в августе 1921-го) Ахматова написала такие стихи:

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

Однако те удары, что ждали ее в будущем, оказались страшнее. Один за другим гибли в сталинских застенках дорогие ей люди: Осип Мандельштам, Борис Пильняк, Николай Пунин... Дважды получал бесконечно длинный каторжный срок ее единственный сын, будущий знаменитый историк Лев Гумилев. Самые масштабные ахматовские вещи — «Рекви-

ем» и «Поэму без героя» — не печатали в СССР даже в относительно либеральные хрущевские времена, а тоненькие сборнички 10-х и 20-х годов стали такой редкостью, что их не могла «достать» даже дочь вождя Светлана Сталина. И тем не менее Анна Ахматова продолжала писать стихи, друзья запоминали их «с голоса», и число читателей и почитателей не уменьшалось...

Узнав о смерти Анны Андреевны Ахматовой (5 марта 1966), Корней Иванович Чуковский сделал в своем Дневнике такую запись:

«Изумительно не то, что она умерла, а то, что она так долго могла жить после всех испытаний — светлая, величавая, гордая. Нужно теперь же начать составление ее монументальной биографии. Это будет поучительная книга».

Монументальная биография Анны Андреевны Ахматовой до сих пор не составлена, но поэтическая биография Анны Всея Руси, которую составляют ее стихи, — книга еще более поучительная, ибо действительно учит, вовсе о том не стараясь. Учит самому главному, и на личном опыте и примере: не отклонять, а принимать на себя и держать удары судьбы. И в любви, и в болезни, и на краю гибели. Но прежде всего, конечно, в любви, потому что мужество мужчины испытывается первой смертельной опасностью, а мужество женщины — первой любовной бедой.

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

Таким стихам не суждено выйти из моды или устареть, как не может устареть или выйти из моды то, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они любят друг друга...

Алла Марченко

Сердце,
будь же мудро...

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю...

Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...

В 1910 г. я вышла замуж за Н. С. Гумилева...

Вначале я писала очень беспомощные стихи, что Николай Степанович и не думал от меня скрывать. Он советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, например, танцами («Ты такая гибкая»). Осенью 1910 г. Гумилев уехал в Аддис-Абебу. Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, дом Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой), побывала и у мамы в Киеве, и сходила с ума от «Кипарисового ларца»*. Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает

* Сборник стихотворений И. Ф. Анненского; А. А. прочла «К. Л.» в начале 1910 г. (еще в корректуре) и, по ее словам, — «что-то поняла в поэзии».

удаваться. А тут и хвалить начали. А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе серебряного века!..

25 марта 1911 г. старого стиля (Благовещение) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он между прочим спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт — надо делать книгу».

Анна Ахматова

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

1911

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

1

По аллее проводят лошадок,
Длинные волны расчесанных грив.
О пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить! Душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь — в глаза погляди,
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

3

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов.
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

1911

* * *

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу,
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы,
О только дайте греться у огня.
Мне холодно! Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

1911

* * *

Любовь покоряет обманно
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы.
Осенние травы.

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»...
— Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот,
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

1911

* * *

Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет,
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.

1911

* * *

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой,
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

1911

* * *

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...